

Дебачке

ВШАРЕ

все
нипочём

АЛЕКСАНДРА ЗАЙЦЕВА

Встречное движение

Александра Зайцева

Девочке в шаре всё нипочём

«Самокат»

2020

Зайцева А. В.

Девочке в шаре всё нипочём / А. В. Зайцева — «Самокат»,
2020 — (Встречное движение)

ISBN 978-5-00167-168-8

Ей шестнадцать лет, и она Никто – таким именем зовут её друзья. Ей нравится быть незаметной, сливаться с темнотой, растворяться в городских сумерках. В своей компании, в своих мыслях, в своей любимой музыке она чувствует себя как будто в прозрачном шаре – неуязвимой и независимой. Но свободна ли девочка в шаре? Не проходит ли жизнь мимо неё? Александра Зайцева – лауреат премии имени В. П. Крапивина, автор повестей и рассказов о юности, взрослении и непростых решениях, которые должен принять человек.

ISBN 978-5-00167-168-8

© Зайцева А. В., 2020

© Самокат, 2020

Содержание

1	6
2	8
3	9
4	10
5	11
6	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александра Зайцева

Девочке в шаре всё нипочём

© Зайцева А., текст, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2021

www.samokatbook.ru

1

Ночью мы танцуем на крыше.

Попасть туда легко, всегда есть кто-то, кто впустит в подъезд. Схема проста и срабатывает без осечек. Сначала мы скромно стоим на крыльце, Будда жмёт кнопки домофона, и на маленьком экране вспыхивают алые цифры. Дребезжит механическая трель, из динамика раздаётся: «Кто там?» Дальше мой выход. Голосом примерной девочки жалуюсь, что потеряла ключ. Щёлкает замок, и мы проскальзываем в едкие запахи чужого жилья. Шумно набиваемся в тесный лифт, чуть приплясываем от нетерпения. Кабина ползёт на последний этаж, поскучивает и дрожит. Всякий раз опасаемся, что застрянем, потому что нас слишком много. Каша хихикает и нарочно подпрыгивает, а Спринга голосит, чтобы он перестал. Потому что Каша – сокращённое от «Кашалот», и веса в нём больше, чем во мне и Спринге, вместе взятых.

Кашалот гребёт отсюда,
За спиной кипит волна,
Он – большое чудо-юдо
И не умный ни фи́га.

Это Спринга придумала. Она милостиво держит Кашу то за прислугу, то за ручного ярмарочного медведя. Ей подходит его обожание. Спринга привыкла быть на виду, потому что яркая: кожа нереально белая, почти сияет, а короткие волосы выкрашены в рыжий. Имя – от английского «спринг», что значит «весна», – она выбрала сама, навязать ей что-то невозможно. А Каша стал Кашалотом ещё в начальной школе. Сначала обижался, но бороться с прозвищами настолько трудно, что легче привыкнуть. Он и привык. Всё-таки это лучше «жирдяя» или «свинины».

Сейчас Каша неизменно катится за Спрингой надувным мячиком – сколько хочешь бей, отскочит и вернётся. Это что-то вроде спектакля: им нравится разыгрывать мелодраму, а нам – наблюдать. Мы всё время играем. Изображаем рок-звёзд, потерянных детей, упавших ангелов. И лучших друзей. Мы и есть лучшие друзья, но стараемся стать вроде тех, что из голливудских фильмов.

И только танцуя на крыше, мы просто танцуем на крыше.

Лифт дёргается, останавливается и с облегчением выпускает нас на лестничную клетку десятого этажа. Теперь надо тихо, крадучись, чтобы жильцы не затеяли скандал и не вызвали милицию. Первым в чердачный люк лезет Будда, потом Спринга, Каша, Чепчик и Джим.

С Чепчиком всё просто, его фамилия Чепликов. Он дружит с Кашей крепче, чем с остальными, и попал к нам из-за него. Чепчик любит музыку Цоя, ходит будто в трауре, как и другие киноманы. Говорит, что загадочно и хронически болеет, от этого костлявость, тёмные круги вокруг глаз и вечно обветренные кровавые губы. Чепчик – вылитый вампир, но не страшный, а немного комичный.

Джим совсем другой, прозвали его в честь Джима Моррисона. Только длинные чёрные волосы нашего красавчика не ложатся на плечи волнами, а выются мелким бесом. Это от армянской бабушки или татарского деда, от еврейского прадеда или ещё от кого. Родословная у Джима до того пёстрая, что с наскака не разобраться. Его маму зовут Румия, она филолог и, между прочим, доктор наук, а русский папа – профессор биологии. Джим в своих берцах, драных джинсах и в толстовке с красной буквой «А» мог бы сойти за позор семьи, но он отличник и умница, а его вселюбовь ко всему миру способна крушить звёзды. Наверное, именно от этой вселюбви он замечает меня чаще других и, когда мы лезем на крышу, оборачивается и подаёт руку.

Я бы хотела, чтобы ладонь мне протянул Будда. Я – его тень, это все знают. Без него я никто. Так что я – Никто. А Будда – всё.

Будда не предложит мне руки ни сейчас, ни потом. Он достаёт из рюкзака барабанные палочки и усаживается на тёплый битум плоской крыши. Мы здесь не впервые, припрятали жестяную банку из-под краски за кирпичным воздуховодом. Будда ставит её перед собой и начинает настукивать нехитрый ритм. Аккуратно, чтобы не потревожить жильцов. Но этого глуховатого «дун-дун-тудун-дун» нам достаточно.

Я не помню, кто и почему это придумал – танцевать именно так. И, наверное, не очень правильно говорить, что мы танцуем ночью, но «поздним вечером» – не звучит. К тому же над нами и вокруг непроглядное сентябрьское небо, а в нём – гроздь белых созвездий и почти полная луна.

Мы – чёрные силуэты на фоне чуть более жидкой темноты. Не говорим, не поём, не смеёмся. Просто двигаемся, рвано подёргиваемся, подчиняясь палочкам Будды и помятой жестянке. В этом есть что-то первобытное. Мерный стук и беззвучные взмахи руками. А он, мой шаман, сидит, чуть ссутулившись, наклонив голову так, что длинные светлые пряди падают на глаза и щёки. Я точно знаю, что лицо его ничего не выражает, но при этом он улыбается.

Будда часто улыбается сам себе и редко говорит. И я тоже. Это объединяет нас, мы молчим не порознь, а вместе. Но если меня легко не замечать, то он всегда в центре. Войдя в комнату, вы сразу посмотрите на Будду и, даже если повернётесь спиной, будете чувствовать его присутствие. Возможно, вы разглядите и меня, но вряд ли. Мне это безразлично. Я давно привыкла сливаться со стенами и наблюдать из-под неровной чёлки мышинового цвета.

Моя чёлка – моя броня. Это как тёмные очки или капюшон ветровки для других. А мне нравится так. Вроде ничего особенного – несколько прядей на глазах, но с ними никто не достанет и не заденет.

– Ослепнешь! – время от времени цепляется Ма. – Не хочешь постричь, хоть подкалывай. «Не твоё дело», – думаю я.

2

Когда меня спрашивают о родителях, очень редко, потому что обычно вообще ни о чём не спрашивают, так вот, когда невозможно увильнуть от ответа, я говорю: «Отец – начальник, мать – грустная женщина». Похоже на шутку или глупость, но на самом деле это правда. Что тут ещё обсуждать?

Родители Спринги – обычные гопники. Классические: дом, гараж, огород, толстые зады, тряпки в стразах, куча такой же родни и попса вперемежку с шансоном. Спринга острит, что это свинское семейство – наказание за её грехи в прошлых жизнях. Жизней, видимо, было много: за одну невозможно так сильно накосячить.

Про Джима я, кажется, рассказывала. У Каши только мама, похожая на карикатурную шпалоукладчицу. У Чепчика не знаю кто, а родители Будды – добрые люди. Сейчас они в Нигерии или в Уганде, ищут воду с другими сердобольными волонтерами. Вообще-то они оба фотографы, иногда писатели и ещё чёрт знает кто.

– Идиоты, прости гос-с-споди! – неизменно ворчит бабка Будды, пытаюсь навести хоть какой-то порядок в его замызганной однушке. Хорошо, что не часто, а только пару раз в неделю, когда наезжает с любимой дачи заботиться о внуке. – Шаболды. Бросили пацана, как будто в шестнадцать он сам себе хозяин. Конечно, мне-то нетрудно присмотреть, даже в удовольствие через весь город с кастрюлями таскаться и тряпкой тут махать! Волонтеры, блин. И этот дебилом растёт, трусы с носками постирать не может. Ты меня слышишь, нет?!. Сколько я буду одно и то же талдычить? Хоть посуду помой! Или вон девка твоя пусть помое!

На слове «девка» она кивает в мою сторону. В ответ бросаю быстрый осуждающий взгляд: только совершенно безмозглое существо может поставить Золотого Будду Шакьямуни в один ряд с какими-то носками и грязными тарелками. А ему всё равно, лежит на диване, заложив руки за голову, на голове – наушники, в наушниках – безумные гитарные записи.

Будда отрешённо смотрит в потолок, чуть шевелит губами, и я мечтаю выскользнуть из вытертого кресла, подойти и тихонько прикоснуться к его губам своими. Только он не захочет, никто не захочет целоваться с пустым местом. Поэтому заставляю себя отворачиваться. Стискиваю книжный переплёт, плююсь в нагромождение строчек. «Степной волк» Гессе. Не текст, а каменоломня какая-то. Будда прочитал, а я не могу, продираюсь через каждое предложение со скрипом и скрежетом. Стыдно, я ведь не тупая.

– Вот тоже подружку нашёл до пары, рыбу перемороженную, – вздыхает бабка. – Не дом, а кунсткамера, сил моих нет!

И дальше в том же духе. Она, в общем-то, не злобная, просто ограниченная, как большинство взрослых. Переваливается уткой из комнаты в кухню, из кухни в ванную, из ванной снова в комнату, и так по кругу. По сути, вся её жизнь – унылое ковыряние в пыльных углах отдельно взятой квартиры. Так ей и надо. Затхлые дни, плоские мысли, каркающий голос, больная спина и варикозные ноги – только её вина.

Мы никогда не станем такими. Потому что танцуем на крыше, ценим настоящих свободных людей и не оглядываемся на остальных. Другие просто не существуют, зато наших мы безошибочно узнаём в любой толпе.

3

Наши собираются на Колесе или в Мелином переулке. Меля – один из старичков, ветеран армии «АлисА». Лет десять назад, в начале девяностых, когда я, Спринга, Каша, Чепчик, Джим и Будда ходили в первый класс, он зажигал красные факелы на концертах Легенды, а во время стрелок на заброшенном аэродроме знатно ломал кости рэперам и гопникам. Так рассказывают. В это нетрудно поверить, глядя на его мощное квадратное тело, на перебитую сплюсненную переносицу и бритый череп. Я видела Мелю вблизи на нескольких сейшенах, где все мы сбивались в потную пульсирующую массу под вопли местных хардрокеров. Один раз он даже навёл на меня мутные колючие глазки и спросил:

– Ты кто?

– Никто, – ответила я.

– Хорошее имя – Никто.

Мелин переулок – узкий замусоренный тупик. Его не так просто отыскать, если не знаешь потаённую низкую арку между двумя пафосными сталинками. Тесно и укромно – самое то для маленькой компании. Орать здесь не хочется, душа просит чуть расстроенного гитарного брэнчания и светлой тоски: «Панихида по апрелю состоялась в сентябре – плакали трамваи на изгибах рельсов...» Мы поём «Маленькую девочку со взглядом волчицы» или «Грибоедовский вальс». Всё, от чего хочется тяжело вздыхать.

А поорать можно и на Колесе, то есть в сквере у круглого фонтана. Там нас много, там только и делай, что лениво болтайся от скамейки к скамейке, сплетничай, хохочи так, чтобы шарахались прохожие. Джинса, хаки и кожа, берцы с белой шнуровкой и гриндерсы с титановыми носами, цепи и заклёпки, серьги и бисерные феньки, ошейники панков и плетёные хайратники хиппи, сальные патлы всех цветов радуги. «Сдохни, серость!» – вот как называется этот праздник.

Ма твердит, что мой восторг пройдёт и братство наших покажется унылой толпой лоботрясов. Что у меня юношеский максимализм. От её бесконечного нытья охота на стенку лезть. Потрясающее равнодушие. Я не устаю удивляться: до чего надо быть деревянной, чтобы всё списывать на какую-то вымышленную ерунду. Говоришь, что в школе не учат, а оболванивают? Это максимализм. Считаешь взрослых лицемерами? И это максимализм. Сходишь с ума от того, что вокруг много людей, но не с кем поговорить? Тоже максимализм. Видишь в зеркале уродину? Опять максимализм. Не хочешь превратить свою жизнь в скучное болото? Всё это максимализм. Каприз. Чушь. Плевать на тебя.

Нет уж, вам придётся на нас смотреть.

Мы хлопаем в ладоши, вскидываем кулаки, оттопыривая указательный и мизинец, повторяем припевы до хрипоты, упиваемся друг другом. Это мы часами спорим о природе Бога и собственном предназначении. Мы декламируем Бодлера и Ницше по памяти, пусть самые затасканные строчки, но с железобетонной верой в их истинность. Мы поём в тамбурах электричек и для забавы срываем стоп-краны. Мы танцуем на крыше и крадём в секунд-хэндах.

4

Завозы нового тряпья в секунды отслеживает Спринга. Она объявляет об очередном таком пополнении, когда мы заканчиваем с танцами и рассаживаемся на карнизе. Если бы случайный прохожий посмотрел вверх, мы бы показались ему горгульями. Вроде тех статуй на готических храмах. Но люди редко поднимают головы и разглядывают крыши, особенно по вечерам. Даже не редко – никогда.

– Тётка моя рядом с секондом живёт, она знает, – поясняет Спринга.

– Затаривается там? – лениво тянет Каша.

– Вроде того. Говорит, что в эти магазины привозят гуманитарку – дармовые шмотки, которые европейцы собирают для нищих. Хлам, короче. А у нас его продают. Берут старье просто так, а сбывают за деньги. Нормально?

– Ничего удивительного, – хмыкает Джим.

– Ну да. А ещё продавщицы годное себе забирают, а продают остатки. Сплошной обман. Давайте завтра их накажем.

Почему бы и нет, всё равно делать нечего.

Говорят, что воровать грешно, но мы ведь не всерьёз. Просто играем. Стаскиваем в примерочные ворох одежек, надеваем вещь за вещь, одну на другую, пока не становится слишком заметно. Морщусь от химического запаха дезинфекции, торопливо запикиваю в рюкзак чёрный свитер крупной вязки для Будды и бочком выхожу на улицу. Можно закрыться в туалете соседнего кафе, снять лишнее и вернуться в секунд за добавкой, но я уже взяла, что хотела.

Я сразу понимаю, сколько брать. Спринга, наоборот, не успокоится, пока не обшарит все полки, вешалки и корзины. Каша забалтывает унылую тётку на кассе, чтобы его подружка могла спокойно порыться в цветастой куче. Джим с Чепчиком болтаются у входа, а Будда сидит на лестнице и слушает плеер, постукивая пальцами по колену. Я раскрываю рюкзак и показываю ему сегодняшний трофей. Будда чуть улыбается и предлагает один наушник. Теперь мы сидим рядом, соединённые тонким проводом и голосом Легенды. Боже, сделай так, чтобы Спринга стала ещё медлительнее. Или останови время.

Вечером музыка ревет из магнитофона на полную громкость, и мы её перекрикиваем. Я наблюдаю, как Будда распарывает крупные петли чёрного свитера. Маникюрные ножницы поблёскивают в жёлтом свете настольной лампы, нитки ползут, полотно зияет длинными прорехами. Потом в ход идут булавки. Будда выуживает их из бабкиной швейной коробки и стягивает свежие дыры, создавая замысловатый металлический узор.

У меня тоже есть одна. Достая булавку из мочки уха и протягиваю ему. Он осматривает свитер, прикидывая лучшее место, закалывает горловину. Будда доволен, и я почти счастлива.

5

Без железки уху легко и непривычно, рука то и дело тянется потрогать голую мочку. У своего подъезда останавливаюсь, чтобы вынуть булавку, как делаю это каждый вечер, но нахожу только пустоту.

Жаль, что дома пустотой и не пахнет – отца нет, но есть Ма и её подруга Инна. Инусик. Судя по скорбному выражению лица, Инусик снова работает жилеткой, в которую Ма то плачет, то сморкается: тяжело быть женой начальника, особенно второй, особенно если увела его от первой, приманив беременностью.

Семейное предание гласит, что отец безумно хотел дочку и ради неё, то есть меня, оставил двух сыновей. Старшие братья, очень старшие, знают, что я есть, но на этом всё. Не то чтобы они совсем не интересуются, просто со мной слишком трудно общаться. Ма подтвердит. Она может много чего рассказать под настроение, которое случается всякий раз, когда отец задерживается на работе. В такие дни до Ма доходит, что если человек бросил одну семью, то вполне может уйти из другой. А кто виноват? Правильно, я – вечное разочарование.

– Здороваться не надо? – интересуется Ма, когда я сбрасываю обувь в прихожей и крадусь мимо кухни. Она выглядит спокойной, но уже на старте. – Где была?

– Гуляла.

– С кем?

– С Буддой и Спрингой.

– Это собачьи клички? – вклинивается Инусик. – Кокер-спаниелей выгуливаешь?

Смотрю из дверного проёма. Похоже на картину в раме: последний год двадцатого века, холст, масло, бытовая сценка: «Поздний ужин гламурных куриц в интерьере хай-тек». Глаза у них блестят от коньяка, рты испачканы жирной помадой, а может, лоснятся из-за сырокопчёной колбасы. Её алые кругляши с белыми сальными крапинками лежат веером на большой тарелке рядом с оливками, дольками лимона и надкусанным шоколадом. Почти такие же алые, как ногти Инусика.

«Но женщины – те, что могли быть как сёстры, – красят ядом рабочую плоскость ногтей», – сказал Великий. И это верные слова. Наши не врут, тем более в песнях. Значит, врут другие.

– Тётя Инна, – говорю, – отгадайте загадку.

– Зачем?

– Отгадайте, – терять мне нечего, Ма по-любому закатит полуночную истерику на абстрактную тему. – Тётя Инна, что легче разгружать: вагон с брёвнами или вагон с мёртвыми людьми?

– Кошмар какой! – кривится Инусик. – Ну тебя!

– Легче разгружать, – гну своё, – вагон с мёртвыми людьми. А знаете, почему?

– Тебе сказали, хватит! – рычит Ма.

– Потому что можно использовать вилы. Вилы. Здорово, да?

Я совершенно серьёзна, ни намёка на усмешку. Пусть думают, что мне такое нравится, пусть поджимают губы от отвращения и не лезут больше. И они отвязываются. Ма зудит, что меня подбросили цыгане. Обычно они крадут детей, но я настолько чудовище, что даже им не пригодилась.

В ванной снимаю балахон и мешковатые брюки, не глядя заталкиваю их в стиралку. Потом до упора выворачиваю краны. Шум воды перекрывает взрослое нытьё. Из зеркала смотрит никто. Отдувает чёлку, захватывает в горсть тусклые русые лохмы, приподнимает на манер вечерней причёски. Если выпустить длинные пряди по обе стороны лица, нос кажется меньше. Но всё равно слишком длинный и острый. Губы тонкие, глаза выпуклые, светлые, никакие.

Постричься коротко – будет некрасивый мальчишка. С широкими плечами, узкими бёдрами и плоской грудью. В пятнадцать могло бы уже что-то вырасти, но нет.

«Чего ты жалуешься? Стройная, гибкая, спортивная. Кожа – мечта. Волосы густющие, только уложить бы нормально. Вот зачем ты грызёшь ногти, сутулишься и мерзкое тряпье на себя цепляешь? Нарочно ведь прикидываешься гремлином!» – временами возмущается Ма.

«Иди к чёрту», – всякий раз молчу я.

Забравшись в тёплую воду, думаю о Будде. Чуть шевелю пальцами, воображаю, что перебираю его шелковистые светлые волосы, сидя рядом на старом диване. Глаза мои закрыты – в комнате Будды темно, и только отблески автомобильных фар иногда вспыхивают в оконном стекле. Он ровно дышит во сне, и моё собственное глубокое дыхание отдаётся в ушах. Я охраняю одиночество Будды, излучаю невидимое силовое поле, которое мягко отталкивает весь остальной мир. Через него не пробиться вопящему соседскому дошколёнку, голосу Инусика в прихожей, хлопанью двери, шаркающим по линолеуму тапкам, резким выкрикам Ма, которая требует открыть или хотя бы отозваться. Сколько могу, делаю вид, что не слышу, надеюсь на скорый приход отца. При нём она нежна и улыбчива, воркует горлицей, ластится котёнком. Но, как видно, не судьба, придётся выходить и принимать на себя её страхи и обиды.

– Что ты там делала? – подозрительно спрашивает Ма.

– А ты как думаешь?

– Почему не отзывалась?

– Вода шумела. Дай пройти. Я спать, завтра вставать рано.

– Завтра выходной.

– У меня дела.

– Какие?

– Разные.

– Что, трудно сказать? – заводится Ма. – Прямо как твой папаша! Шляетесь не пойми где, а передо мной отчитываться не надо! Так, да? Я тебя спрашиваю!

Отвечать не обязательно, ей это не нужно. Укладываюсь, закрываю глаза и стараюсь не слышать бубнёж про гада-отца и мою неблагодарность. Мне всё равно, я не умею обижаться. И ничего не боюсь. Самое худшее уже случилось: я здесь, и я – это я. Намного легче, когда я становлюсь – мы.

6

Мы танцуем на крыше ночью, шатаемся без дела днём, а по утрам собираем бутылки. Это не развлечение, у нас есть цель.

Я, Спринга и Каша бродим в скверах и подворотнях, осматриваем остановки, набиваем большую спортивную сумку стеклянным золотом. Иногда сталкиваемся с бомжами, но нас это не смущает. Кто первый нашёл, тот и взял, таков закон джунглей. Стрематься глупо, деньги лежат под ногами и, как известно, не пахнут. Хотя эти очень даже пахнут. Ну и ладно.

Бомжи не просто пахнут, они воняют до рези в глазах. Если такой не стремится увести у нас тару, а валяется грязным кулем в кустах, ни за что к нему не подойду. И Спринга обойдёт десятой дорогой. Но Каша всякий раз подлезает, расталкивает и предлагает помощь.

– Дай сто грамм, нутро горит, похмелиться надо, – сипит очередной оборванец.

– Нету у меня. Может, вам скорую вызвать? – дружелюбно улыбается Каша. Его щекастое сдобное лицо становится до невозможности простодушным, но глаза всё равно беспокойные, жёсткие.

Бомжу плевать на Кашины глаза и резоны. Он продолжает клянчить:

– Хоть глоток дай, будь человеком.

– Нету, говорю.

– А чё ты меня тогда будил?

– Спросить. Помощь нужна?

– Иди ты... спаситель, блин.

Каша горестно качает головой и топает дальше. После обеда он отволочёт бутылки на пивзавод, где сладостный аромат солода перебивает шершавый запах опадающей листвы. Там пустая тара волшебным образом превратится в купюры, которые станут билетами на концерт. Недостающую сумму я потяну из сумочки Ма. Это впервые, может, и не заметит.

В прошлый раз обошлись без билетов, влезли в здание цирка через узкое окошко, что в пристройке. Прокрались в темноте между шумно дышащими, чавкающими, шуршащими звериными клетками, пропитываясь тяжёлой животной вонью, сломали расшатанную задвижку на двери и выбрались-таки в холл. Теперь заветное окно надёжно забрано решёткой, а другого пути в обход контроля мы не нашли. Поэтому пойдём как все, через главный вход.

В день концерта наши подкатывают к цирку пенистыми волнами и вливаются в стеклянные двери ярким голосящим потоком. Подозрительные личности предлагают дешёвые флаеры, почти не стесняясь ментов, а те с каменными лицами пасутся неподалёку. Мы для них – мусор, клоуны, – так они говорят. Но сегодня мы в своём праве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.